

Научная статья
УДК 94(100)“1914/19”
doi: 10.17223/24099554/18/16

«БОЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК» НА ТОНУЩЕМ КОРАБЛЕ: ОБРАЗ ТУРЦИИ В РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Игорь Константинович Богомолов

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия, bogomolov@inion.ru*

Аннотация. В статье рассмотрено развитие образа Турции в российской печати в 1914–1918 гг. Воспринимая Османскую империю как второстепенную державу со слабой армией, российские газеты и журналы учитывали большое стратегическое и политическое значение новой русско-турецкой войны в решении «исторических задач» России в Черном и Средиземном морях. Овладение Россией Константинополем и проливами воспринималось как закономерный итог русско-турецкого противостояния и символизировало окончательное «изгнание» Турции из Европы.

Ключевые слова: Первая мировая война, Кавказский фронт, русско-турецкая война, Восточный вопрос, Константинополь, проливы, русская печать

Для цитирования: Богомолов И.К. «Больной человек» на тонущем корабле: образ Турции в российской печати времен Первой мировой войны // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 323–345. doi: 10.17223/24099554/18/16

Original article
doi: 10.17223/24099554/18/16

A «SICK MAN» ON A SINKING SHIP: THE IMAGE OF TURKEY IN THE RUSSIAN PRESS DURING THE FIRST WORLD WAR

Igor K. Bogomolov

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russian Federation, bogomolov@inion.ru*

Abstract. The article examines the development of the image of Turkey in the Russian press in 1914–1918. Perceiving the Ottoman Empire as a minor power with a weak army, Russian newspapers and magazines took into account the great strategic and political significance of the new Russian-Turkish war in solving Russia’s “historical tasks” in the Black and Mediterranean Seas. Periodicals of different orientations assessed the significance of the new Russian-Turkish war in different ways. For the conservative press, this was primarily the return of the “cross to St. Sophia”, the return of the Orthodox tsar to Constantinople. The liberal press paid more attention to the economic opportunities from the capture of the Straits. However, for both of them, the victory in the war was perceived as a natural result of the Russian-Turkish confrontation and symbolized the final “expulsion” of Turkey from Europe. In a broader sense, this meant the expulsion of *Aziatchina* [Asianism] from the “civilization” area. This reasoning was facilitated by major victories on the Caucasian Front (as opposed to the main front in Europe) and regular reports from official sources (Petrograd Telegraph Agency, General Staff) about the socio-economic and political crisis in the Ottoman Empire. The condescending attitude, the underestimation of the combat capability of the Turkish army and Turkey’s resistance to a protracted war prevailed. In many ways, therefore, the Caucasian Front remained secondary, although victory in this theater made it possible to open the Straits and receive large consignments of weapons and ammunition from the Western allies. In 1917, the “dream of Tsargrad,” tacitly proclaimed as the main goal of Russia in the world war, became one of the key factors in the political crisis. In the socialist press, Constantinople and the Straits became the personification of Russian imperialism and the cause of the deaths of millions of soldiers, the impoverishment of the people, and the depletion of the economy. Against this background, the image of Turkey underwent tangible changes. The conservative press developed the image of Turkey as an “Eastern despotism,” a historically doomed autocracy. In fact, it became a new ideological frame for the old military goals of Russia in the world war. The social democratic press turned more to the suffering of ordinary Turks, who were forced to shed blood for goals they did not know. The commonality of the fate of the Turkish and Russian peoples in their long and difficult struggle with the autocracy for the establishment of democracy was emphasized. The economic and political crisis in Russia actually led the second point of view to victory, which influenced the general course of the Russian Revolution.

Keywords: World War I, Caucasian front, Russo-Turkish War, Eastern question, Constantinople, Straits, Russian press

For citation: Bogomolov, I.K. (2022) A “sick man” on a sinking ship: The image of Turkey in the Russian press during the First World War. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 18. pp. 323–345. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/18/16

Введение

На рубеже XIX–XX вв. восприятие Турции в России претерпевало серьезные изменения: турецкое государство все реже ассоциируется с «неподвижным», «варварским» Востоком, все чаще признавалось частью Европы, географически и ментально. Отмечалась «европеизация» Турции в законодательстве, в повседневной жизни турецких городов, в одежде, в семейно-брачных отношениях. Главным тормозом этого процесса чаще всего называлось не правительство, а косный «простой народ». В «Большом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (1902) констатируется, что «в культуре турки отстали от всех европейских народов, и лишь медленно, с большими затруднениями пролагает себе путь к ним западноевропейская цивилизация» [1. С. 226]. При этом и в энциклопедиях, и в записках русских путешественников неизменно отмечались «человеческие» достоинства турок – храбрость, умеренность, гостеприимство, честность в торговле [1. С. 226].

Характерная для русской общественной мысли того времени «романтизация Востока» [2. С. 211, 212] сказалась и на образе Турции, которая словно получала «право» на свою самобытность и оправдание ее отказа от «слепой» европеизации. Более того, в исторических судьбах России и Турции многие русские современники указывали много общих черт: полиэтничные империи, впитавшие множество черт Запада и Востока. Призывы уважать турецкий народ, относиться к нему как к равному часто раздавались со страниц русских газет и журналов начала XX в. Писательница Изабелла Гриневская, неоднократно посещавшая Стамбул, отмечала в 1910 г.: «Политики говорят и кричат, что надо загнать турок в Малую Азию, взять Константинополь <...> Спросите у нас [в России] у любого мужика в деревне, хочет ли он прогнать турок. Всякий скажет: “Пушай живет”. И я скажу: пушай живет в Европе в своем Константинополе этот добрый и по природе честный народ» [3. С. 218].

В русской печати того времени Турция обычно изображалась как «больной человек», который только задерживает поступательное развитие «здоровых» балканских народов. Результатом была, с одной стороны, метафоризация образа Турции (сравнение ее с большим организмом), а с другой – его сознательное упрощение с помощью стереотипов [4. С. 13]. В русских карикатурах времен Балкан-

ских войн турки обычно изображались в средневековых одеждах, фоном шли средневековый интерьер, мечети и медресе.

Второстепенная роль Кавказского фронта сказывалась на восприятии его современниками, а затем – и историографией. Образ Турции в России времен Первой мировой войны редко служил предметом отдельного исследования. В последние годы ситуация стала меняться, однако исследования до сих пор проводились на основе ограниченного круга источников: российские сатирические журналы [4] и отдельные статьи и заметки из российских газет [5]. Практически не привлекались архивные материалы, без которых сложно понять, из каких источников российская печать брала информацию о внутреннем положении Турции и состоянии турецкой армии. Неясно, как на публикации в прессе о Турции реагировали русская цензура и военное командование. В должной мере не исследовано отношение русской печати к Турции, ее армии и народу, оценки смысла и характера новой русско-турецкой войны в русском обществе.

В поисках ответа на эти вопросы в данной статье привлечены оценки представителей власти, военного командования, цензуры, журналистов, местных корреспондентов. В исследовании использованы влиятельные петроградские и московские газеты, имевшие большие тиражи, широкий охват аудитории, развитую корреспондентскую сеть за границей. Вспомогательную, но важную роль в этом исследовании сыграли книги и брошюры о Турции, о русско-турецких отношениях, о смысле и характере мировой войны.

Скрытый враг

К 1914 г. в России общим был взгляд на Турцию как на второстепенную державу, не имеющую серьезного влияния на европейские дела. Но на перспективы русско-турецких отношений пресса смотрела по-разному. Правая и националистическая печать считала Турцию ослабленным, но не побежденным окончательно врагом [6. С. 2]. С этой точки зрения Балканские войны не закончились Бухарестским договором 1913 г., и в будущих неизбежных столкновениях Турция однозначно не будет на стороне России [7. С. 3].

С началом Первой мировой войны русская печать неформально отнесла Турцию к неприятельским государствам. Ежедневно теле-

граммы Петроградского телеграфного агентства сообщали о мобилизационных мероприятиях турецкой армии, об укреплении прибрежных зон, усилении гарнизонов и пограничной охраны [8. С. 3]. Наибольшее возмущение русской прессы вызвал пропуск немецких крейсеров «Гебен» и «Бреслау» в Черное море [9. С. 3]. Тем не менее популярна была точка зрения, что Турция «не совершит над собой акт политического самоубийства» [10. С. 2]. В августе 1914 г. «Биржевые ведомости» усматривали новые веяния в Константинополе: младотурки «отворачивают взоры от Берлина и Вены» и все больше руководствуются «здравым смыслом» [11. С. 1]. Одновременно из Турции приходили сообщения о кризисе турецкой экономики, непопулярности младотурок, брожениях на национальных окраинах [12. С. 3].

В дискуссиях о Турции проявились противоречия между газетами. «Новое время» считало, что власть в Стамбуле захватили фанатичные германофилы, ненависть которых к России столь сильна, что они пойдут на любые жертвы, чтобы отомстить «вечному» врагу – России. Либеральная печать, наоборот, не была уверена, что прогерманская «партия войны» в Стамбуле одержит верх. Да и само германофильство турок эта газета считала условным; при случае, если Антанта очевидно будет близка к победе, то младотурки могут окончательно порвать с Германией. «По поведению турок иногда заранее можно угадать, в каком духе составлены последние телеграммы с фронта», – заметила «Речь» [13. С. 1].

В сентябре–октябре 1914 г. борьба внутри турецкого руководства вступила в решающую фазу [14. Р. 84]. Усиливались слухи о перевороте и победе сторонников войны [15. С. 2]. В печати появились сообщения об аресте русских монастырей и подданных, разгроме их магазинов [16. С. 2; 17. С. 6]. Понимая высокие риски, младотурки оттягивали вступление в войну и стремились выгадать более подходящий момент [14. Р. 84]. Турция не отличалась от других европейских нейтральных стран, выторговывавших себе выгодные условия в обмен на участие в войне [18. С. 150]. Она подвергалась наибольшему нападкам русской прессы за «торговлю» нейтралитетом. Примечательно, что подобных насмешек над Италией и Румынией практически не было: существовала вероятность того, что эти страны в будущем примкнут к Антанте. С конца августа 1914 г. цензорам было

предписано вычеркивать карикатуры на нейтральные государства и «относиться строже к статьям, направленным против этих же государств» [19]. Но Турции этот запрет фактически не касался [20. С. 1].

«Окончательное решение» Восточного вопроса

Еще в августе 1914 г. в русской прессе появились первые предположения о неизбежности войны с Турцией. 14 августа 1914 г. в передовой статье для «Биржевых ведомостей» П.Б. Струве призвал русскую дипломатию подумать о судьбе «турецкого наследства», если младотурки все же решатся выступить на стороне Германии [21. С. 1]. Журналист «Нового времени» М.О. Меньшиков в сентябре 1914 г. заявил, что война позволит «порешить» с Турцией и отнять «удерживаемый зубами Царьград» [22. С. 3].

Официальное начало войны активизировало дискуссии о «турецком наследстве». Царский манифест гласил, что выступление Османской империи «только ускорит роковой для нее ход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря» [23. С. 1]. Что это были за «исторические задачи», ни для кого не было загадкой: речь шла о Константинополе и проливах. Официально эти цели не были объявлены: сказывались сложные переговоры с союзниками о судьбе проливов и азиатских владений Османской империи [24. С. 1]. Здесь большую помощь правительству оказывала печать, дружно выступившая за решение Восточного вопроса. Правда, либеральные и консервативные газеты подводили под присоединение Константинополя разные идеологические основания.

Консервативная пресса еще в августе 1914 г. активно обсуждала необходимость восстановления «исторической справедливости» и окончательного освобождения «угнетенных» народов Австро-Венгрии и Турции. В газетах этого направления, а затем и в манифесте Николая II использовалось древнеславянское название Константинополя – Царьград. Этим подчеркивалась неразрывная связь города с Византией. Был здесь и намек о возвращении в Константинополь царя (теперь уже русского). Часто вспоминались рассуждения Ф.М. Достоевского, выступавшего за присоединение Константинополя к России. В «Дневнике писателя» за ноябрь 1877 г. он настаи-

вал: «Константинополь должен быть наш, завоеван нами, русскими, у турок и остаться нашим навеки» [25. С. 285]. После вступления Турции в мировую войну эта точка зрения обрела большую популярность не только в консервативной, но и в либеральной прессе [26. С. 1]. Резко осуждались любые намеки во французской и английской прессе по поводу «нейтрализации» турецкой столицы [27. С. 3].

Крайне важной была религиозная подоплека – возвращение православного креста на Софийский собор и «очищение его от многовековой турецкой пыли и копоти» [28. С. 1]. В консервативной печати эти цели выставлялись как историческая миссия России и обязанность перед своей предшественницей – Византией. Религиозные мотивы тесно переплетались с национальными и географическими. «Дарданеллы и Царьград! Пора освободить святой христианский город из-под власти азиатов. Долой магометанскую луну с купола Св. Софии, и да воссияет над ним честной, славный и животворящий русский православный крест!», – восклицал обозреватель «Московских ведомостей» [29. С. 4]. На одной из открытых лекций князь Е.Н. Трубецкой заявил: «Все вопросы русской жизни, поднятые настоящею войною так или иначе завершаются этим одним, центральным вопросом – удастся ли России восстановить поруганный храм и вновь явить миру погашенный турками светоч» [30. С. 5].

Либеральная печать не разделяла этого религиозного пафоса и делала акцент на практической пользе для России присоединения проливов. «На очередь становится вопрос о последнем турецком разделе. Англия, Франция и Россия одинаково заинтересованы в этом вопросе, а из молодых народностей – армяне и болгары», – отмечала «Речь» [31. С. 1]. Эта статья не была подписана, но скорее всего ее автор – П.Н. Милюков. Еще в октябре 1912 г. на заседании ЦК кадетской партии он настаивал, что Россия не может довольствоваться «простой нейтрализацией проливов, для нее нужны и куски территории по берегам проливов» [32. С. 103]. ЦК в целом поддерживал Милюкова, хотя и с оговоркой, что на данном этапе излишние «аппетиты» (например, порт Александретта в восточном Средиземноморье) России следует поумерить [32. С. 438]. В дальнейшем Милюков неоднократно поднимал тему «турецкого наследства» в прессе и в Думе. В 1917 г. он обобщил свои взгляды в большой статье для «Вестника Европы» [33. С. 233–235]. Османская им-

перия, считал Милюков, просуществовала до начала XX в. только благодаря противоречиям между великими державами. Константинополь уже давно отошел на периферию мировой торговли, экономическую ценность он представляет только для растущего русского экспорта через южные порты. Исключить саму возможность закрытия проливов (как это произошло во время итало-турецкой войны 1911 г.) и защитить русские порты от возможных нападений неприятеля – вот главные задачи России в мировой войне. В целом, заключает Милюков, проливы «во всяком случае перестанут быть турецкими, и вопрос был лишь в том, будут ли проливы германскими или русскими» [34. С. 380].

Тем не менее идеологический аспект также был важен для либералов. С их точки зрения, мировая война была заключительным этапом многовекового противостояния Турции и Запада. Константинополь был последним оплотом, символизировавшим турецкое «нашествие» на Европу в средние века. Лишение Турции Константинополя означало изгнание дикой, некультурной «азиатчины» [35. С. 2]. Милюков считал, что Османская империя «осталась чужда западной цивилизации и началам европейской государственности». Младотурецкая революция не изменила ситуацию к лучшему, так как власть захватили «малокультурные туземцы», своими корнями привязанные к «старому турецкому национализму» [33. С. 233, 234]. А.Н. Мандельштам считал, что младотурки – «необразованные в европейском смысле люди», которые безапелляционно сравнивают себя с французскими революционерами [36. С. 40]. По мнению А.С. Яценко, необходимо было освобождение Константинополя из-под турецкого владычества, «этого вопиющего позора всего современного человечества» [37. С. 20]. За этим должно было последовать «упразднение» Турции, исчезновение этого названия с политической карты мира [38. С. 1].

За активную пропаганду идеи присоединения проливов Милюков получил шутовское прозвище «Милюков-Дарданелльский» [39. С. 22]. О «щите на воротах Царьграда» публиковались исторические статьи, фельетоны и стихи [40. С. 1; 41. С. 2]. Были у этих идей и противники, в том числе среди кадетов [39. С. 22]. Экономист Р. Стрельцов в брошюре о проливах критиковал Милюкова и его сторонников, для которых «внешний романтический эффект понятнее и важнее практических последствий». Стрельцов считал, что

экономическая роль проливов преувеличена, а стратегическое значение имел разве что только Босфор [42. С. 3]. Этот скептицизм разделяли многие военные и политические деятели, например, генерал А.Н. Куропаткин [43. С. 501]. Однако общим было мнение, что Турция уже не имела ни сил, ни морального права оставаться в Европе.

Османская империя по традиции сравнивалась с «больным человеком», а присоединение проливов – с хирургическим вмешательством в старый и больной организм. «Биржевые ведомости» сравнили Восточный вопрос с гнилым зубом, который теперь «должен быть вырван с корнем» [44. С. 1]. Фельетонист Лейба Грейшман (псевдоним – Л. Пасынков) сравнил Турцию с мертвецом, которому «померещилось, что он живет» [45. С. 1]. Одна из самых известных карикатур на тему «изгнания» Турции – «Беседа под Царьградом» – изображает русского солдата в походной форме, сидящего на турецком барабане. Его собеседник – «турок» – изображен хрестоматийно для русской карикатуры того времени: феска, потрепанный офицерский китель, карликовый рост, щуплая фигура. Особую роль в композиции играет Константинополь. Стоящий на возвышенности, сияющий куполами собора Святой Софии, он символизирует «заветную мечту» русского народа. Чаще всего очертания Святой Софии можно увидеть на картинках и карикатурах рубежа 1914–1915 гг., когда победа в войне казалась близкой.

«Армянский вопрос»

Общим для консервативной и либеральной печати было отношение к «армянскому вопросу». Дискуссии о будущем Армении велись в русской печати задолго до 1914 г. [46. С. 13–32], а с началом мировой войны приобрели новое звучание и новое значение. Газеты писали о желании армян «сомкнуть свои ряды с рядами русских войск и смешать кровь с братскою кровью русского народа» [47. С. 2]. Историк А.К. Дживелегов заявил, что новая русско-турецкая война для армян – «заря освобождения, преддверие новой, свободной жизни» [48. С. 2]. В 1914–1915 гг. активно обсуждались перспективы воссоединения всех армянских земель под властью русского царя [49. С. 1]. Писатель С.Я. Елпатьевский в «Русских ведомостях» конста-

тировал: «...пришел час для больного человека помирать, а армянскому народу – выздоравливать» [50. С. 2].

Милуков открыто призывал присоединить турецкую Армению к России, но в кадетском ЦК к этой идее отнеслись с осторожностью. Необходимо было учитывать сложную этнографическую ситуацию в восточной Анатолии и опасность столкновения в этом регионе с интересами Англии [32. С. 439]. Русское правительство неохотно давало обещания «освободить» народы вражеских империй [51. С. 398–402]. Воззвания Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича «К полякам» и «К народам Австро-Венгрии» содержали мало политической конкретики, только полякам дали понять, что Россия желает объединения всех польских земель «под скипетром русского царя» [52. С. 1]. Ограничивались дискуссии и в прессе. Так, статья Милукова по «армянскому вопросу» дважды записалась цензурой [53. С. 2]. В 1915–1916 гг. цензорам было предписано вычеркивать слухи по поводу «окраинных» и «инородческих» вопросов, в том числе и о будущем турецкой Армении [54, 55]. Правительство хорошо понимало: то, что было обещано «чужим» полякам и армянам, неизбежно потребуют и «свои».

Самое слабое звено

Уверенность прессы в конечном исходе войны основывалась на хороших новостях с Кавказского фронта и на устоявшейся репутации турецкой армии. Поначалу отношение к туркам было откровенно презрительным [56. С. 4]. Отмечались плохая подготовка, слабая экипировка, повальная антисанитария среди турецких пленных [57. С. 3]. «Когда я смотрю на эту жалкую, полуголую толпу дикарей, возвращенных в какие-то бесформенные отрепья, я чувствую, что к ним неприменимы термины “военнопленные”, “неприятели”, “солдаты”», – вспоминал корреспондент «Русских ведомостей» А. Чумаков [58. С. 3]. Офицеры изображались «типичными турками, просиживающими целыми днями в кофейнях» [59. С. 1]. При этом высоко оценивались боевые качества турецкого солдата, его сила, мужество и самоотверженность [60. С. 5]. Если немцы изображались вооруженными до зубов, но «трусливыми», то турки – смелыми, но обреченными в борьбе с превосходящими силами. Превосходство чув-

ствовали и русские солдаты, зачастую относившиеся к туркам «с легкой добродушной иронией, без тени озлобления и враждебности» [61. С. 3].

Если с немцев и австрийцев война «сорвала маску культурности» [62. С. 3], то турки изначально представляли в русской печати «диким» народом, для которого «зверства» на войне – обычное дело. Курдов журналисты называли не иначе как «банды» и «шайки», для которых «не существует законов войны» [60. С. 3]. Схожим образом германская и австрийская пропаганда изображала русских казаков и их «зверства» в Восточной Пруссии и Галиции [63. Р. 781]. При этом корреспонденты отмечали смелость курдов, их бесстрашие и решимость защитить родину [64. С. 5].

В печати турки иногда назывались «башибузуками» по аналогии с иррегулярными турецкими военными отрядами, прославившимися своей жестокостью. Однако это название не прижилось: далеко не все читатели газет (а тем более – неграмотные солдаты) знали, кто такие башибузуки. Не получил распространения и сюжет об «азиатской» жестокости турок. На то были политические причины: азиатами были и японцы, союзники Антанты в мировой войне. Русские газеты восхваляли японцев как «благородных» врагов [65. С. 5].

Большой вклад в создание образа Турции и турецкой армии вносили лубочные картинки, изображавшие сцены боев под Сарыкамышем и Караурганом, на Кеприкейских высотах и под Ардаганом, взятие крепости Баязет, сражения на Черном море. Тяжелые поражения русской армии в Польше и Галиции летом 1915 г. привели к уменьшению выпуска лубков о Восточном фронте. Кавказский фронт был исключением во многом из-за того, что здесь продолжалась маневренная война, а русская армия сохраняла инициативу. Так, в 1916 г. были выпущены картинки о взятии русскими войсками Эрзерума и Трапезунда. Другой причиной были устоявшиеся традиции изображения батальных сцен в живописи в целом. Красивые пейзажи, массовые рукопашные схватки, оборона и взятие крепостей, героизм отдельных солдат и офицеров, brave генералы на конях – таких сюжетов русско-германский фронт давал все меньше. Горы служили неизменным и традиционным фоном, природным препятствием, которое русские «чудо-богатыри» (как во время перехода через Альпы в 1799 г. и в прошлые русско-турецкие войны) преодолели.

вали на пути к победе [66. С. 5]. В репортажах корреспондентов с Кавказа русские войска атакуют высоты, наступают по глубокому снегу и отбиваются от невидимого неприятеля [67. С. 2]. Русско-германский фронт, на котором героизм все больше отступал перед техническим превосходством, с трудом вписывался в этот образ.

«Тонущий корабль»

Снисходительное отношение русской печати объяснялось и сложным внутренним состоянием Турции. По свидетельству «Нового времени», отъезд российского посольства «произвел удручающее впечатление на всех турок». Русского посла в Константинополе М.Н. Гирса провожали представители правительства, а безопасность обеспечивала полиция [68. С. 4]. Эта предупредительность сильно контрастировала на фоне сообщений о жестоком обращении с русскими подданными в Германии и Австро-Венгрии. «Самой Турции, ее народу война не нужна, – отмечало «Новое время». – Разоренный несчастной войной, непосильными поборами на мишурный блеск вооружений, народ конечно хотел бы мира и труда» [69. С. 4]. Это противопоставление (слепая воинственная верхушка и миролюбивый народ) тоже не была новшеством. В начале августа 1914 г. русские газеты теми же словами характеризовали немецкий народ, втянутый в войну кайзером и его кликой [70. С. 2]. Сложившийся еще до войны образ Турции как безропотной «прислужницы» Германии к началу 1915 г. поколебался [71. С. 1]. Кроме того, затягивание войны повлияло на изображение противников России в печати. Осенью 1914 г. цензура стала предостерегать редакции газет от «слишком оптимистичных» прогнозов и «чрезмерного обесценивания силы противника» [72]. Правительство давало понять обществу: враг силен, и ради победы над ним придется отдать много сил. Турецкая армия нередко удостоивалась похвал за хорошую организацию и упорство в бою [73. С. 3].

Основным поводом для оптимизма постепенно становились не победы русской армии, а внутренние неурядицы в стане врагов [74]. Ежедневно рассказывать о скором крахе Турции было проще всего, так как ее положение действительно было трудным. Еще будучи нейтральной, Османская империя столкнулась с резким падением

импорта промышленных товаров и продовольствия из Европы, ее финансы были серьезно подорваны [14. Р. 92]. Газеты сообщали о росте цен и безработице [75. С. 3], массовом дезертирстве и уклонении от призыва [76. С. 3]. Предполагалось, что Турция капитулирует не позднее весны 1915 г. [77. С. 3]. Генеральный штаб ежедневно общался о растущем недовольстве турецких военных, не желавших подчиняться немцам [78. С. 1]. Подчеркивались не только национальные, но и религиозные конфликты: пренебрежение немцев к мусульманским традициям и даже приказы турецким морякам-мусульманам есть свинину [79. С. 3]. Отмечались также крайне натянутые взаимоотношения турок с курдами и арабами [80. С. 5].

1917: «Теперь мы в одной лодке»

После Февральской революции, уже будучи министром иностранных дел, Милюков заявил, что Россия встала в ряд «демократических государств, борющихся за принципы свободы и права» [81. С. 1]. Однако это вовсе не означало, что изменятся цели России в войне, скорее они приобретают новое идеологическое обрамление. Одной из главных задач новой России Милюков назвал «ликвидацию господства Турции..., которая не сумела стать правовым государством, угнетая и поработывая малые национальности» [81. С. 1]. Милюков давал понять, что мечты о «кресте над святой Софией» не исчезли вместе с падением монархии.

Позицию Милюкова поддерживали далеко не все члены Временного правительства. Им не нравилось, как открыто Милюков говорил о военных целях России на фоне огромной популярности лозунга «Мир без аннексий и контрибуций» [82. С. 169]. На заседаниях Временного правительства Милюков открыто заявлял, что Константинополь – главная цель России, ради которой стоит дальше проливать кровь [82. С. 170]. Опытный тактик, он обосновывал свою «империалистическую» позицию очень просто: Россия сохраняет верность союзным обязательствам, а потому и от вознаграждения (т.е. Константинополя) отказываться не должна [83. С. 1].

Отрицательный образ Турции в печати поддерживался за счет упрощенных антимоноархических ассоциаций: разные страны с помощью революций расстаются с «проклятым прошлым», и в 1917 г.

настала очередь России. Журнал «Новый Сатирикон» изобразил Николая II «четвертым партнером» в компании свергнутых ранее монархов – португальского короля Мануэла II, персидского шаха Мохаммеда Али и турецкого султана Абдул-Гамида [84. С. 4]. Журнал «Бич» расширил сюжет за счет европейских монархов, которые скоро присоединятся к компании «бывших». На карикатуре упомянутые свергнутые монархи на палубе парохода ожидают новых пассажиров – германского и австрийского императоров, а также болгарского царя [85. С. 11]. Большая часть читателей русских сатирических журналов могла распознать султана только по характерным «турецким» одеждам и символам (феска, обувь с загнутыми носками). Фигура султана могла символизировать прошлое, но не настоящее, где продолжалась кровопролитная война с непонятными для большинства солдат целями. Смакуя победу над врагом прошлым (в лице царя и султана), печать не сумела вовремя создать убедительный образ врага настоящего, с которым еще предстоит долгая борьба.

Журналисты пытались адаптировать образ турецкого врага к условиям революции. Г. Капчев в своей брошюре пытался встроить вопрос о проливах и Армении в популярную тогда тему освобождения угнетенных народов от германской и турецкой тирании [86. С. 13]. Н. Езерский в своей брошюре делал упор на задаче освобождения славян и христиан (армян) от гнета младотурок, которые «такие же деспоты и баши-бузуки, как старые султаны» [87. С. 29]. Были попытки взыграть на чувствах солдат как землевладельцев. Езерский объяснял крестьянам в солдатских шинелях, что каждое закрытие проливов Турцией снижает цену зерна, которое они, как новые хозяева пахотных земель, будут продавать на рынке [87. С. 29]. Однако ни один из этих доводов не мог убедить фронтовиков в необходимости продолжать войну. Скорее наоборот – именно вопрос о Константинополе и проливах служил своеобразным символом сохраняющихся «империалистических appetитов» русской буржуазии.

«Апрельский кризис» власти вынудил Милюкова уйти в отставку, однако он продолжал отстаивать свои взгляды на послевоенное мироустройство. Будущий раздел Турции державами-победительницами занимал в его теоретических построениях важнейшее место. В мае 1917 г. на съезде Партии народной свободы Милюков повторил, что Турция не сумела «сделать всех своих подданных

равными» и дать «элементарные гарантии безопасности личности и совести» [84. С. 2]. Эта позиция находила поддержку и у давних противников Милокова. «Новое время» в разгар «Апрельского кризиса» заявило, что охрана Константинополя окончательно отдана немецким войскам, а Турции как независимого государства «больше не существует». Однако, ехидно замечает газета, русские социалисты не выпустили по этому поводу никаких воззваний и не потребовали отставки германского правительства. Прояснить эту нестыковку социалистическая печать должна была и перед «великой американской демократией», которая вступила в войну для «изгнания из Европы варварского германо-турецкого режима» [88. С. 2].

Летом 1917 г. нарастающий экономический кризис и разгул анархии заставляли даже умеренные слои населения сомневаться в необходимости приобретения далекого Константинополя такой большой ценой. Из лексикона печати практически исчез призыв бороться с «турецкими варварами». В это время художники часто изображали «турка» расслабленно сидящим по-турецки и отстраненно взирающим на происходящие события. Во многом это был возврат к популярному до войны образу «восточного человека» – осторожного и осмотрительного, не слишком образованного, но достаточно умного и хитрого. Постепенно исчезло и снисходительное отношение к Турции как к «большому человеку», находящемуся при смерти. Теперь в схожей ситуации находилась и сама Россия, столкнувшаяся с экономическим кризисом и разложением армии. «В одной лодке», таким образом, оказались не только царь и султан, но и Россия с Турцией.

Время от времени образ турецкого врага использовался для изображения губительных последствий революции. Характерный пример был опубликован в номере «Нового Сатирикона» в июне 1918 г. [89. С. 1]. На карикатуре «турок» по примеру своего сообщника «немца» сбрасывает в мешок (порабощает) народы. Одновременно под ними красноармеец расстреливает тех, кто прячет имущество и продовольствие от экспроприаций советской власти. Распространенное название этих людей – мешочники – раскрывает суть аллегии: от советской власти страдают только «маленькие» мешочники, в то время как «большие» – Германия и Турция – остаются безнаказанными. Художник А. Радаков словно противопоставляет свою карикатуру

катуру упомянутым выше рисункам 1914 г.: русский солдат, недавно сидевший «у ворот Царьграда» и смеявшийся над маленьким «турком», измельчал до вороватого красноармейца, убивающего своих соотечественников. Символично, что именно эта карикатура «Нового Сатирикона» считается последней в русской дореволюционной периодике, на которой изображен «турок». Карикатура словно подводит черту под участием России в мировой войне: утонувшая в хаосе революции и Гражданской войны, Россия уже не интересуется судьбами других народов.

Заключение

Образ Турции в русской печати в годы Первой мировой войны эволюционировал вместе с развитием внутривосточной ситуации в России. Хотя Кавказский фронт изначально был второстепенным, в политическом плане новая русско-турецкая война играла большую роль для русского общества. Перспектива решить давний вопрос о Константинополе и проливах могла стать серьезной мотивацией для России в мировой войне, но вызвала в русском обществе оживленные дискуссии, а нередко – сомнения и неприятие. Далекое не всем изгнание турок из Европы казалось логичным, а тем более – причиной для долгой и кровопролитной войны. Само отношение к Турции не было однозначно негативным. В печати превалировали скорее снисхождение и жалость к подневольным туркам, которых немцы заставляют воевать.

В 1917 г. тема проливов не утратила своего значения. Объединиться в этом вопросе консервативную и либеральную печать вынудил нарастающий антагонизм с социалистами по вопросу о целесообразности участия России в мировой войне. Казалось бы, впервые был достигнут компромисс: защита Европы и демократии от немецких и турецких «варваров» свободно уместается с получением Россией свободного выхода в Средиземное море.

Однако будучи «удобным» врагом, Турция не стала для русского общественного сознания достаточной причиной для продолжения кровопролитной войны. Как и в 1914 г., новый всплеск энтузиазма в 1917 г. оказался кратковременным. Отпраздновав свержение монархии и обретение свободы, население вернулось к тяжелым военным

будням, конца которым не было видно. На фоне военной разрухи планы овладеть Константинополем и проливами казались не просто неуместными мечтами, но и кощунством. В это время стало особенно заметно, что социалистическая и «буржуазная» печать обращается к совершенно разным слоям населения. Социалистическая печать требовала немедленно остановить войну и заключить мир «без аннексий и контрибуций». Это упование на народные инстинкты, а не на разум с расчетами и прогнозами, было гораздо более эффективно. В итоге Константинополь из символа объединения русского общества для достижения победы превратился в символ разъединения, а из смысла войны превратился в символ ее бессмысленности, сыграв, таким образом, немалую роль в развитии русской революции.

Список источников

1. Энциклопедический словарь. Т. XXXIV. СПб. : Тип. Акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1902. 482 с.
2. *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М. : РОССПЭН, 2019. 285 с.
3. *Чач Е.А.* Ориентализм в общественном и художественном сознании Серебряного века : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. 338 с.
4. *Филиппова Т.А.* «Больной человек» в эпоху войн и революций: образ Турции в русской журнальной сатире, 1908–1918. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 302 с.
5. *Сибгатулина А.Т., Огюн Т.* Черноморская операция и вступление Османской империи в мировую войну в материалах турецкой и российской печати // Первая мировая война в «восточном измерении» : сб. статей. М. : Институт востоковедения РАН, 2014. С. 260–280.
6. Сельский вестник. 1914. 3 января.
7. Киевлянин. 1914. 1 января.
8. Биржевые ведомости. 1914. 3 августа.
9. Речь. 1914. 18 августа.
10. Русское слово. 1914. 8 августа.
11. Биржевые ведомости. 1914. 23 июля.
12. Биржевые ведомости. 1914. 15 августа.
13. Речь. 1914. 17 октября.
14. *Rogan E.* The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East. New York : Basic Books, 2015. 513 p.
15. Биржевые ведомости. 1914. 7 октября.
16. Биржевые ведомости. 1914. 15 августа.

17. Биржевые ведомости. 1914. 18 августа.
18. *Субаев Р.Р.* Вступление Турции в Первую мировую войну // Славянский альманах. 2014. Вып. 1–2. С. 142–160.
19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 778. Оп. 1. Д. 2. Л. 21 об.
20. Бич. 1914. № 39.
21. Биржевые ведомости. 1914. 14 августа.
22. Новое время. 1914. 5 сентября.
23. Газета-Копейка. 1914. 21 октября.
24. Речь. 1915. 18 марта.
25. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1877 г. СПб. : В.Ф. Пуцкович, 1878. 326 с.
26. Биржевые ведомости. 1914. 15 декабря.
27. Русские ведомости. 1915. 1 марта.
28. Биржевые ведомости. 1914. 16 декабря.
29. Московские ведомости. 1914. 17 октября.
30. *Трубецкой Е.Н.* Национальный вопрос. Константинополь и Святая София. М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1915. 33 с.
31. Речь. 1914. 17 октября.
32. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии : в 6 т. Т. 2: Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1912–1914 гг. М. : РОССПЭН, 1997. 520 с.
33. *Милюков П.Н.* Константинополь и проливы. Ч. 2 // Вестник Европы. 1917. № 2. С. 227–259.
34. *Милюков П.Н.* Константинополь и проливы. Ч. 1 // Вестник Европы. 1917. № 1. С. 354–381.
35. Киевлянин. 1914. 18 октября.
36. *Мандельштам А.Н.* Младотурецкая держава. Ч. 2 // Русская мысль. 1915. № 6. С. 13–46.
37. *Яценко А.С.* Русские интересы в Малой Азии. М. : тип. А.И. Мамонтова, 1916. 54 с.
38. Биржевые ведомости. 1914. 9 декабря.
39. *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М.: Наука, 1988. 248 с.
40. Биржевые ведомости. 1914. 10 ноября.
41. Биржевые ведомости. 1914. 22 октября.
42. Россия, Царьград и проливы. Пг. : Прометей, 1915. 134 с.
43. *Куропаткин А.Н.* Задачи русской армии : в 3 т. СПб. : Тип. В. Безобразов и Ко, 1910. Т. 2. 526 с.
44. Биржевые ведомости. 1914. 17 октября.
45. Биржевые ведомости. 1914. 18 октября.

46. *Закарян А.* Трагедия армянского народа в оценке русских литераторов. Ереван : МИГА НАН РА, 2003. 286 с.
47. Московский листок. 1914. 21 октября.
48. Русские ведомости. 1914. 22 октября.
49. Биржевые ведомости. 1914. 23 декабря.
50. Русские ведомости. 1914. 23 ноября.
51. *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 664 с.
52. Киевлянин. 1914. 2 августа.
53. Речь. 1915. 9 января.
54. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13839. Оп. 1. Д. 5. Л. 8об.
55. РГВИА. Ф. 13839. Оп. 1. Д. 14. Л. 73.
56. Новое время. 1914. 13 ноября.
57. Речь. 1915. 22 февраля.
58. Русские ведомости. 1914. 13 декабря.
59. Биржевые ведомости. 1914. 17 сентября.
60. Биржевые ведомости. 1914. 7 ноября.
61. Русские ведомости. 1914. 18 ноября.
62. Новое время. 1914. 31 августа.
63. *Watson A.* «Unheard-of Brutality»: Russian Atrocities against Civilians in East Prussia, 1914–1915 // *Journal of Modern History*. 2014. № 4. P. 780–825.
64. Биржевые ведомости. 1915. 14 февраля.
65. Новое время. 1914. 12 августа.
66. Биржевые ведомости. 1915. 24 января.
67. Биржевые ведомости. 1914. 27 декабря.
68. Новое время. 1914. 3 ноября.
69. Русские ведомости. 1914. 22 августа.
70. Киевлянин. 1914. 18 октября.
71. Новое время. 1914. 30 октября.
72. РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 2. Л. 50.
73. Биржевые ведомости. 1914. 22 ноября.
74. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4900. Л. 66 об.
75. Русские ведомости. 1914. 23 ноября.
76. Русские ведомости. 1914. 16 ноября.
77. Русское слово. 1914. 1 декабря.
78. Русские ведомости. 1914. 22 ноября.
79. Русское слово. 1914. 20 октября.
80. Русское слово. 1914. 31 декабря.
81. Речь. 1917. 10 марта.
82. *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. М. : Республика, 1993. 384 с.
83. Речь. 1917. 11 мая.

84. Новый Сатирикон. 1917. № 11.
85. Бич. 1917. № 23.
86. *Капчев Г.И.* Россия и Турция на исходе войны. Пг. : Прогресс, 1917. 110 с.
87. *Езерский Н.Ф.* Чего хотят немцы и чего хотим мы с союзниками. М. : Тип. т-ва Рябушинских, 1917. 32 с.
88. Новое время. 1917. 21 апреля.
89. Новый Сатирикон. 1918. № 12.

References

1. Andreevskiy, I.E. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic dictionary]. Vol. XXXIV. St. Petersburg: Tip. Akts. Obshch. Brokgauz-Efron.
2. Schimmelpenninck van der Oye, D. (2019) *Russkiy orientalizm. Aziya v rossiyskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloy emigratsii* [Russian Orientalism. Asia in the Russian mind from the era of Peter the Great to the White emigration]. Moscow: ROSSPEN.
3. Chach, E.A. (2012) *Orientalizm v obshchestvennom i khudozhestvennom soznanii Serebryanogo veka* [Orientalism in the public and artistic consciousness of the Silver Age]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
4. Filippova, T.A. (2016) “Bol'noy chelovek” v epokhu voyn i revolyutsiy: obraz Turtsii v russkoy zhurnal'noy satire, 1908–1918 [A “sick man” in the era of wars and revolutions: The image of Turkey in Russian magazine satire, 1908–1918]. St. Petersburg: Tsentri gumanitarnykh initsiativ.
5. Sibgatulina, A.T. & Ogyun, T. (2014) Chernomorskaya operatsiya i vstuplenie Osmanskoy imperii v mirovuyu voynu v materialakh turetskoy i rossiyskoy pechati [The Black Sea operation and the entry of the Ottoman Empire into the World War in the materials of the Turkish and Russian press]. In: Filippova, T.A. (ed.) *Pervaya mirovaya voyna v “vostochnom izmerenii”*. *Sbornik statey* [The First World War in the “Eastern Dimension”. Articles]. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS. pp. 260–280.
6. *Sel'skiy vestnik*. (1914) 3 January.
7. *Kievlyanin*. (1914) 1 January.
8. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 3 August.
9. *Rech'*. (1914) 18 August.
10. *Russkoe slovo*. (1914) 8 August.
11. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 23 July.
12. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 15 August.
13. *Rech'*. (1914) 17 October.
14. Rogan, E. (2015) *The Fall of the Ottomans: The Great War in the Middle East*. New York: Basic Books.
15. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 7 October.
16. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 15 August.
17. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 18 August.

18. Subaev, R.R. (2014) Vstuplenie Turtsii v Pervuyu mirovuyu voynu [Turkey's entry into World War I]. *Slavyanskiy al'manakh*. 1–2. pp. 142–160.
19. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 778. List 1. File 2. Page 21 rev.
20. *Bich*. (1914) 39.
21. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 14 August.
22. *Novoe vremya*. (1914) 5 September.
23. *Gazeta-Kopeyka*. (1914) 21 October.
24. *Rech'*. (1915) 18 March.
25. Dostoevskiy, F.M. (1878) *Dnevnik pisatelya za 1877 g.* [The writer's diary for 1877]. St. Petersburg: V.F. Putsykovich.
26. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 15 December.
27. *Russkie vedomosti*. (1915) 1 March.
28. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 16 December.
29. *Moskovskie vedomosti*. (1914) 17 October.
30. Trubetskoy, E.N. (1915) *Natsional'nyy vopros. Konstantinopol' i Svyataya Sofiya* [The national question. Constantinople and Hagia Sophia]. Moscow: Tip. T-va I.D. Sytina.
31. *Rech'*. (1914) 17 October.
32. Pavlov, D. (1997) *Protokoly Tsentral'nogo Komiteta i zagranichnykh grupp konstitutsionno-demokraticheskoy partii. V 6-ti t.* [Protocols of the Central Committee and foreign groups of the Constitutional Democratic Party. In 6 vols]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
33. Milyukov, P.N. (1917) Konstantinopol' i prolivy. Ch. 2 [Constantinople and the Straits. Part 2]. *Vestnik Evropy*. 2. pp. 227–259.
34. Milyukov, P.N. (1917) Konstantinopol' i prolivy. Ch. 1 [Constantinople and the Straits. Part 1]. *Vestnik Evropy*. 1. pp. 354–381.
35. *Kievlyanin*. (1914) 18 October.
36. Mandel'shtam, A.N. (1915) *Mladoturetskaya derzhava. Ch. 2* [Young Turkish state. Part 2]. *Russkaya mysl'*. 6. pp. 13–46.
37. Yashchenko, A.S. (1916) *Russkie interesy v Maloy Azii* [Russian interests in Asia Minor]. Moscow: tip. A.I. Mamontova.
38. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 9 December.
39. Dumova, N.G. (1988) *Kadetskaya partiya v period Pervoy mirovoy voyny i Fevral'skoy revolyutsii* [The Kadet Party during the First World War and the February Revolution]. Moscow: Nauka.
40. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 10 November.
41. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 22 October.
42. Strel'tsov, R. (ed.) (1915) *Rossiya, Tsar'grad i prolivy* [Russia, Tsargrad and the Straits]. Petrograd: Prometey.
43. Kuropatkin, A.N. (1910) *Zadachi russkoy armii. V 3 t.* [Tasks of the Russian army. In 3 volumes]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazov i Ko.
44. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 17 October.
45. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 18 October.

46. Zakaryan, A. (2003) *Tragediya armyanskogo naroda v otsenke russkikh literatorov* [The tragedy of the Armenian people in the assessment of Russian writers]. Yerevan: MIGA NAN RA.
47. *Moskovskiy listok*. (1914) 21 October.
48. *Russkie vedomosti*. (1914) 22 October.
49. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 23 December.
50. *Russkie vedomosti*. (1914) 23 November.
51. Kolonitskiy, B.I. (2010) “*Tragicheskaya erotika*”: *Obrazy imperatorskoy sem’i v gody Pervoy mirovoy voyny* [“Tragic erotica”: Images of the imperial family during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 664 s.
52. *Kievlyanin*. (1914) 2 August.
53. *Rech’*. (1915) 9 January.
54. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 13839. List 1. File 5. Page 8 rev.
55. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 13839. List 1. File 14. Page 73.
56. *Novoe vremya*. (1914) 13 November.
57. *Rech’*. (1915) 22 February.
58. *Russkie vedomosti*. (1914) 13 December.
59. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 17 September.
60. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 7 November.
61. *Russkie vedomosti*. (1914) 18 November.
62. *Novoe vremya*. (1914) 31 August.
63. Watson, A. (2014) “Unheard-of Brutality”: Russian Atrocities against Civilians in East Prussia, 1914–1915. *Journal of Modern History*. 4. pp. 780–825.
64. *Birzhevye vedomosti*. (1915) 14 February.
65. *Novoe vremya*. (1914) 12 August.
66. *Birzhevye vedomosti*. (1915) 24 January.
67. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 27 December.
68. *Novoe vremya*. (1914) 3 November.
69. *Russkie vedomosti*. (1914) 22 August.
70. *Kievlyanin*. (1914) 18 October.
71. *Novoe vremya*. (1914) 30 October.
72. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 778. List 1. File 2. Page 50.
73. *Birzhevye vedomosti*. (1914) 22 November.
74. Russian State Military Historical Archive (RGVIA). Fund 2000. List 1. File 4900. Page 66 rev.
75. *Russkie vedomosti*. (1914) 23 November.
76. *Russkie vedomosti*. (1914) 16 November.
77. *Russkoe slovo*. (1914) 1 December.
78. *Russkie vedomosti*. (1914) 22 November.
79. *Russkoe slovo*. (1914) 20 October.
80. *Russkoe slovo*. (1914) 31 December.

81. *Rech'*. (1917) 10 March.
82. Kerenskiy, A.F. (1993) *Rossiya na istoricheskom povorote* [Russia at a historical turn]. Moscow: Respublika.
83. *Rech'*. (1917) 11 May.
84. *Novyy Satirikon*. (1917) 11.
85. *Bich*. (1917) 23.
86. Kapchev, G.I. (1917) *Rossiya i Turtsiya na iskhode voyny* [Russia and Turkey at the end of the war]. Petrograd: Progress.
87. Ezerskiy, N.F. (1917) *Chego khotyat nemtsy i chego khotim my s soyuznikami* [What the Germans want and what we want with the Allies]. Moscow: Tip. t-va Ryabushinskikh.
88. *Novoe vremya*. (1917) 21 April.
89. *Novyy Satirikon*. (1918) 12.

Информация об авторе:

Богомолов И.К. – канд. ист. наук, научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия). E-mail: bogomolov@inion.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.K. Bogomolov, Cand. Sci. (History), researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: bogomolov@inion.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 06.06.2021.

The article was accepted for publication 06.06.2021.